

Российская Академия Наук

Отделение историко-филологических наук

Ю.Л. Воротников

**Русский язык сегодня.
Несколько штрихов к портрету**

Москва 2017

УДК 811
ББК 81.2 Рос
В 98

ISBN 978-5-906906-22-9

© Российская академия наук, 2017
© Ю.Л. Воротников, 2017

Вступительные замечания

Культура России слагается из многих составляющих, но особое место занимает в ней русский язык. Исторически сложилось так, что именно русский язык на протяжении тысячелетия сплачивал народы многонационального российского государства, служил средством их культурного взаимообогащения, надежным каналом их связи с мировой культурой. Процессы, происходящие в последние почти три десятилетия на постсоветском пространстве и в пределах Российской Федерации, не могли не затронуть и русский язык, во многом изменив его статус в современном мире. Что же происходит сегодня с русским языком? Идет ли его тотальное разрушение, как утверждают некоторые, или, напротив, происходит его раскрепощение, освобождение от родимых пятен так называемого «советского новояза», присутствующего тоталитаризму способа оперирования с языком, как полагают другие?

Можно разделить те изменения, которые происходят в русском языке, на два типа: трансформации языковой системы и модификации (а возможно, и деформации) в сфере его использования. Условно говоря, можно различать изменения на уровне языка и на уровне речи (подчеркну, что это все же достаточно условное разграничение: постулируемое со времен Соссюра противопоставление языка и речи в современном языкознании признается далеко не всеми)¹. Начну с процессов, происходящих в русском языке на уровне языковой системы.

1. Грамматика: «более лучше, более веселее»

Русский язык, как известно, принадлежит (наряду с большинством индоевропейских языков) к числу языков синтетических, морфологические формы в которых характеризуются неразрывной связью основы, выражающей лексическое значение, с формантами, представляющими грамматическую категорию. Такие формы называются простыми, например, будущее время совершенного вида *напишу*, императив *пиши* и др.

Известно также, что наряду с синтетическими (простыми) морфологическими формами в русском языке существуют и аналитические (сложные) формы, в которых основное (лексическое) и дополнительное (грамматическое) значения выражаются раздельно, в различных составных частях аналитической конструкции, например, будущее время несовершенного вида *буду писать*, сослагательное наклонение *писал бы* и др.

Сосуществование в русском языке синтетических (типологически для него наиболее характерных) и аналитических (менее распространенных) форм уже давно трактуется учеными не в статическом, а в динамическом аспекте: предполагается, что русский язык движется от синтетического строя к аналитическому. Об этом писали И.А. Бодуэн де Куртенэ и В.А. Богородицкий, отмечавшие распад системы склонения имен существительных, выражающийся, в частности, в расширении употребления предлогов в соединении с падежными формами². Эту точку зрения разделял Н.В. Крушевский³. В.В. Виноградов полагал, что в современном русском языке «грамматическая структура многих слов и форм переживает переходную стадию от синтетического строя к смешанному, аналитико-синтетическому»⁴.

В подготовленном под руководством М.В. Панова четырехтомном исследовании «Русский язык и советское общество» делается вывод, что одна из наиболее определенных тенденций его развития – «стремление к анализируемости»⁵. Ту же тенденцию в русском языке отмечают авторы коллективной монографии «Русский язык конца XX столетия (1985–1995)». Глава Н.Е. Ильиной, например, так и называется: «Рост аналитизма в морфологии». Автор утверждает вполне определенно: «Некоторые аналитические явления в 90-е годы, по сравнению с первой половиной XX в., упрочивают свои позиции, охватывая новый материал»⁶.

Существуют, однако, такие языковые факты, которые говорят не о нарастании, а о некотором, так сказать, торможении аналитических тенденций, возможно даже о разрушении некоторых уже сложившихся аналитических форм.

В русском языке, как известно, есть два способа образования сравнительной степени: с помощью суффиксов *-ее, -ей* (*холоднее, веселей*) и путем прибавления к форме положительной степени слова *более* (*более холодный, более веселый*). В отношении синтетической формы сравнительной степени типа *веселее* у лингвистов спор не возникает – она признается морфологической (если, конечно, вообще категория степеней сравнения причисляется к морфологическим категориям). По поводу же образований типа *более холодный* в специальной литературе существуют две противоположные точки зрения. В. В. Виноградов, например, писал: «Итак, в сочетании: *более* + качественное прилагательное следует видеть одну составную форму. Неосновательно традиционное мнение об аналитической форме, будто она ”выходит за обычные рамки морфологических образований, представляя синтаксическое сочетание двух неоднородных слов”»⁷.

Иначе решается это вопрос в академической «Русской грамматике». Здесь читаем: «К форме сравнительной степени не относится описательное выражение сравнения с помощью форм *более* или *менее*: *более веселый, более интересный, менее веселый, менее интересный*. Слова *более* или *менее* в этих сочетаниях сохраняют свое лексическое значение, и это препятствует их превращению в показатели морфологического значения и, следовательно, превращению сочетаний типа *более грустный, менее веселый* в аналитические формы сравнительной степени»⁸.

Вопрос о грамматическом статусе аналитической сравнительной степени до сих пор остается открытым: что же это все-таки,

аналитическая морфологическая форма или свободное словосочетание? Для ответа на этот вопрос обратимся к так называемому «отрицательному языковому материалу», об уникальном значении которого для успешного лингвистического анализа говорит Ю. Д. Апресян, ссылаясь при этом на таких лингвистов, как Ш. Балли, А. М. Пешковский, А. Фрей, Л. В. Щерба⁹.

Неправильное употребление аналитических форм сравнительной степени достаточно широко распространено. Приведу несколько примеров подобного рода казусов из своей картотеки: (1) *По-моему, кооперативные банки работают более гибче* (Из телепередачи. Речь интервьюируемого директора банка); (2) *Пора уже отвыкать от консерватизма и одеваться более помоднее* (Устная речь продавца); (3) *Но Ладога расположена куда более южнее* (Из телепередачи. Речь ведущего); (4) *Не пора ли еще энергичнее, куда более энергичнее преодолевать наш страх?* (Из радиопередачи. Речь ведущего); (5) *Чем выше это назначение, тем более ощутимее отставка* (Из телеинтервью с начальником управления правительственной информации А. М. Михайловым); (6) *Мы надеемся, что более активнее будет работать Организация Объединенных Наций* (Из телеинтервью. Речь В.С. Черномырдина).

Как видим, все эти высказывания принадлежат или представителям класса так называемых «новых русских», или работникам электронных средств массовой информации, или представителям, как теперь принято выражаться, «правлящих элит». О языковой культуре первых ходят анекдоты, да и вторая и тем более третья категория, увы, изысканностью слога нас в последние годы не балуют. А «перлы красноречия» В. С. Черномырдина уже прочно вошли в сокровищницу крылатых слов русского языка. Однако встречается нечто подобное и в речи людей вполне интеллигентных и высокообразованных, например: (7) *Сдержанные слезы гораздо более сильнее* (Из телепередачи. Речь кинорежиссера А. Михалкова-Кончаловского).

Проникают ошибки, подобные вышеописанным, и на страницы печатных изданий, например: (8) *Но открытия, которые сделал для себя Василий, куда более значительнее выводов Глеба Вольнова из «Завтрашних забот», решившего делать дело и ни о чем не думать* (А. Урбан. Из предисловия к книге В. Конецкого «Завтрашние заботы»).

Говоря о типах языковых неправильностей или языковых аномалий, Ю.Д. Апресян различает неправильность относительную и абсолютную. Абсолютная неправильность характеризуется, в

частности, тем, что «языковые единицы неправильно скомбинированы (хотя каждая из них в отдельности и может иметь нужный смысл)»¹⁰. Очевидно, что **более лучше*, так же как и **он пришла*, **мы говорю*, **будет читает* – это случаи именно абсолютной языковой аномалии. Этот вид языковых аномалий можно отнести к разряду «ошибок в грамматике»¹¹. Однако если ошибки последних трех типов в речи всех категорий говорящих на русском языке как на родном практически исключены, то ошибки первого типа весьма частотны. В чем же причина этого факта?

Для каждого из приведенных выше примеров есть своя отдельная и одна общая причина неправильного употребления формы аналитического компаратива. Начнем с примера (8), в котором встречается ошибочное с точки зрения литературной нормы словосочетание **куда более значительнее*. Но если выражение **более значительнее* явно «режет слух», то о словосочетании со словом *куда* можно, пожалуй, говорить как об относительно более приемлемом (или, точнее, относительно менее неприемлемом). Дело в том, что усилительная частица *куда* требует употребления после себя синтетической формы сравнительной степени (*куда лучше*), а форма *более* – положительной. Их же совместное употребление создает своеобразную «синтаксическую конкуренцию» и, следовательно, некоторую свободу выбора формы прилагательного. Возможно также, что слово *более* как бы попадает в поле притяжения частицы *куда*, «перетягивается» к нему и отрывается от прилагательного. В результате образуется цельная единица *куда более*, близкая по значению к усилительной частице *куда как*, употребление формы синтетического компаратива после которой вполне нормально. Можно думать, что именно эти причины, действовавшие, конечно, на бессознательном уровне, и позволили автору допустить такую форму выражения, а корректору не воспринять ее как неправильную.

Понятно, что все объяснения появления в речи ошибок типа **более лучше* сами становятся возможными по одной, общей для всех этих случаев причине: в сознании носителей русского языка недостаточно закреплена слитность конструкции *более + позитив*. Он еще явно не «дотягивает» до морфологического уровня.

Очевидно, именно этот «промежуточный» характер форм аналитического компаратива вызывает в речи говорящих колебания в выборе варианта *более + позитив* или *более + компаратив* и даже употребление их обоих в пределах одного высказывания, напри-

мер: (10) *Есть номера более доро... более дорогие, есть дешевле* (Из телепередачи. Речь интервьюируемого бизнесмена. Ударение в не завершенной говорящим форме прилагательного явно свидетельствует о том, что первоначально предполагался выбор синтетического компаратива *дороже*); (И) *И не становимся ли мы сами чуть другими? Чуть более сентиментальнее, чуть более незащищенными, чуть более добрыми* (Из телепередачи. Речь ведущего).

Интересен следующий пример: (12) *Они делают песню более емкой, более глубокой, более... ну как бы вам сказать..., содержательнее* (Из радиопередачи. Речь композитора М. Фрадкина). Марк Фрадкин, как мы видим, правильно употребил форму аналитической сравнительной степени два раза, но на третий, увы, сбился. Причина его ошибки, думается, такова: в третьем употреблении форма аналитической сравнительной степени оказалась разорванной поиском наиболее подходящего для точного выражения мысли прилагательного. И пока этот поиск шел, синтаксическое влияние слова *более* успело «погаснуть», перестать действовать.

Надо отметить, что ученые-языковеды не всегда последовательно относят сочетания типа **более лучше* к грамматическим ошибкам, связанным с неправильным образованием форм слова. Так, в книге «Не говори шершавым языком» авторы комментируют сочетание *более хуже* в высказывании В. Жириновского как ошибку грамматическую, а сочетание *более подробнее* в высказывании ведущей музыкальных телепрограмм Л. Лихачевой – как избыточность речи, то есть, похоже, скорее как ошибку стилистическую¹².

Говоря о перспективах лингвистической оценки таких неправильных образований, Н. Зимянина делает любопытное предположение: «Можно даже прогнозировать, что не сегодня-завтра угрюмые, неуступчивые филологи, бдительно стоящие на страже литературной нормы, смиренно склонят головы и, тихо отвернувшись, смахнут слезу».¹³

Есть, однако, факты, которые свидетельствуют все же о некоторой если не морфологической «слитности», то, по меньшей мере, целостности конструкции *более+позитив*. Известно, что формы простой сравнительной степени не от всех прилагательных обладают свойством, которое языковеды называют «презумпцией существования качества». Чтобы пояснить это выражение, процитирую следующее высказывание Т.М. Николаевой: «...по фразам *Элен красивее Мэри, Том лучше Боба, Джек умнее Билла* мы не можем сказать определенно, что Мэри красива, Боб хорош, а Билл умен».¹⁴ То

же относится к большому количеству других синтетических компаративов, в первую очередь от так называемых параметрических прилагательных: *выше* – *ниже*; *шире* – *уже* и т.п.¹⁵

Для аналитической сравнительной степени круг подобных ситуаций уже. Высказывание *Он более умный, чем ты* мы поймем так, что и он, и ты умные. Но выражение *А более высокий, чем В*, так же как и *А выше В*, можно отнести и к двум высоким, и к двум низким предметам. Однако ситуация изменяется, если мы поменяем местами составные части конструкции *более+позитив*. Выражение *Он высок более, чем ты* мы можем понять только однозначно, то есть в том смысле, что и он, и ты высокие. Конструкция *позитив+более* во всех случаях характеризуется «презумпцией существования качества».

Как известно, семантически и функционально равнозначные слову аналитические конструкции организованы как словосочетания и допускают, в частности, перестановку компонентов (*Он будет слушать* = *Он слушать будет*)¹⁶. Однако сказать это о сочетании *более+позитив* вряд ли возможно: *Он более умен, чем ты* ≠ *Он умен более, чем ты*. Для первого высказывания допустима пресуппозиция *Он умный, ты глупый*; для второго возможна только пресуппозиция *И он, и ты умные*¹⁷.

Надо сказать, что в устной речи встречаются ошибки и в употреблении конструкции *позитив+более*, например: (9) *Я стал сдержаннее... более, может быть* (Из телеинтервью. Речь кинорежиссера К. Шахназарова).

Невозможность свободного перемещения отдельных элементов в конструкции *более+позитив* без некоторой деформации значения свидетельствует о том, что в роли сказуемого эта конструкция выступает как цельное образование, однако степень этой цельности, как мы убедились раньше, еще достаточно далека от цельности морфологических форм.

Таким образом, можно сделать вывод, что в языковом сознании действуют две разнонаправленные тенденции: одна стремится расчлнить аналитическую форму сравнительной степени, другая же, наоборот, слить ее в нерасторжимое целое с единым значением. О том, как отражены обе эти тенденции в грамматических исследованиях, уже говорилось.

Как известно, для В. В. Виноградова возникновение описательной, аналитической формы сравнительной степени было одним из доказательств общей тенденции развития русского языка – его

устремленности к аналитическому строю. Аналитические формы, значение которых «во второй половине XIX в. усилилось», выступают в дальнейшем как форпост аналитизма, его морфологический плацдарм: они «подготавливают возможность аналитического употребления степеней сравнения от имен существительных с качественным значением и от обстоятельственных наречий».¹⁸ Однако, как мы убедились, по крайней мере на данном участке «грамматического фронта» аналитизм еще далеко не наступил.

Может быть, следует вообще более осторожно говорить о том, что русский язык движется к аналитическому строю. В его истории известны факты как раз обратного движения – от аналитических форм к синтетическим.

Так, древнерусская сложная форма *ходил есмь* дала современную простую *ходил*. И если, с одной стороны, изменяемое в XIX веке существительное *кофей* (*выпить кофею*) дало в результате неизменяемое *кофе*, то неизменяемое *жалюзи* (нет жалюзи) уже практически трансформировалось в изменяемое *жалюзи* (нет жалюзей). Не вполне понятно также, можно ли толковать именно как движение к аналитизму замену падежных форм на падежно-предложные типа *опыт работы / в работе* или *Я купил вам / для вас хлеб*¹⁹. Используя терминологию В.В. Виноградова, такие сочетания можно назвать смешанными, аналитико-синтетическими, а дадут ли они в результате собственно аналитические формы типа *опыт в работа* или *Я купил для вы хлеб* – это еще, как говорится, очень и очень большой вопрос.

2. Лексика: «совок» возвращается?

Практически во все словари, посвященные изменениям в лексическом составе русского языка 90-х годов, вошло словечко «совок», получившее в начале 90-х годов очень широкое распространение как в устной речи, так и на страницах прессы в совершенно новом и столь же неожиданном употреблении²⁰. Слово это, вместе с такими, например, словами, как *ваучер*, *путч*, *рынок* и ряд других, может быть причислено к числу ключевых слов эпохи 90-х годов.

Понятие «ключевое слово» в последние годы активно используется в российском языкознании. Е.А. Земская, например, дает ему такое определение: «Ключевыми следует считать слова, обозначающие явления и понятия, находящиеся в фокусе социального внимания»²¹. Определение это достаточно точное, однако оно оставляет открытым весьма существенный вопрос: если ключевые слова находятся «в фокусе социального внимания», насколько они являются объектами изучения лексикологии, а насколько – социологии или иных областей гуманитарного знания?

Надо сказать, вопрос этот в языкознании далеко не нов. По поводу языковедческого, социологического или культурологического статуса ключевых слов или слов-ключей (франц. *mots-clés*, нем. *Schlüsselwörter* и пр.) дискутировали, например, Ж. Маторе и Е. Косериу. Ж. Маторе относил слова-ключи всех рангов к лексике, Е. Косериу – только к социологии и культуре²². По этому поводу Р.А. Будагов ещё в 1971 г. писал в своей книге «История слов в истории общества»: «Дискуссия на эту тему представляется нам несколько схоластичной, так как слова-ключи имеют одновременную причастность и к социологии (культуре) и к лексике (языку)»²³.

Словечко «*совок*», вне всякого сомнения являющееся для 90-х годов ключевым, может быть, следовательно, также рассмотрено с разных точек зрения – и с чисто лингвистической, и с социологической или культурологической, так же как ключевые слова *ваучер*, *путч* и *рынок* могут привлечь внимание не только языковеда, но и социолога, политолога или экономиста. Я буду рассматривать словечко «*совок*» в основном с точки зрения лингвиста, не замыкаясь, однако, только в языковедческих рамках, но по мере необходимости выходя и в сферы социологии, политологии и культурологии.

Первую и пока единственную известную мне заявку на «изобретение» словечка «*совок*» подал популярный композитор, поэт и певец Александр Градский. Вот что он рассказал в телеинтервью 28 февраля 1992 года: «На концерте кто-то размахивал флагом. Это – «совок». Есть что-то от «совка». А ведь это словечко я придумал. Теперь не докажешь. После «халтуры», в 1968 году. Деньги были, взяли портвейна. А пить негде. У кого папа дома, у кого сестра рано ложится. Возле моего дома нашли садик. А в садике – песочница. А там – формочки кто-то забыл. Виноградик, ягодка, церквушка какая-то домик и – совок. Берем формочки, отряхиваем, наливаем в них. Один – в совок. А там написано латинскими буквами: *sovok*, 23 коп. Я говорю: «Вот наша жизнь». Потом была песенка, потом я об этом забыл».

Уподобление жизни совку – очень сильная, экспрессивно насыщенная метафора. Но за более чем сорок лет, прошедшие с момента ее возникновения, она не превратилась из акцидентной, то есть одноразовой, в общезыковую и не только не вошла в сознание русской языковой личности, но изгладилась даже из памяти ее создателя. Выражение *Жизнь – совок* не стало таким же общепонятным и общепринятым, как, например, *Жизнь – копейка*. Возможно, причины этого кроются именно в яркой образности, психологичности уподобления, использованного Александром Градским. Но если «образ психологичен», то метафора, «сколь бы субъективна она ни была, не может сделаться метафорой ‘для кого-нибудь’»²⁴.

На рубеже 80–90-х годов словечко «*совок*» пережило второе рождение, но уже в ином употреблении, чем у Александра Градского. Совку начали уподоблять не нашу жизнь, а нашу страну, например: *А ты знаешь, сколько это у нас в совке стоит?* (Устная речь. Из разговора молодых девушек на Арбате, запись лета 1991 г.). Новое словечко очень быстро вошло в молодежный жар-

гон и проникло на страницы прессы, в первую очередь, конечно, молодежной. Вот пример из газеты «Московский комсомолец»: *Когда бы вы хотели жить? – спросили мы у 80 тинэйджеров. Перво-наперво 4 процента заявили, что не хотят жить вообще. Зато 8 процентов готовы жить когда и где угодно – но кроме «совка»* (Г. Рычажков. Махнем к буцефалу? Московский комсомолец. 12 марта 1992).

Проникло словечко «совок» и в художественные произведения вполне интеллигентных авторов, например: *Коммунальный дом. Коммуна. Но не та, что была в совке, «на двадцать восемь комнатов всего одна уборная»* (В. Токарева. Лиловый костюм).

В значении ‘Советский Союз’ словечко совок иногда писали с большой буквы, как бы акцентируя его статус топонима – имени собственного, например: *Никто не трогал обычный бюст Ленина, которых миллионы по всему Совку* (Московский комсомолец, 11.09.1991)²⁵.

Слово «совок» стало подходящим обозначением для бывшего Советского Союза по нескольким причинам. Во-первых, оно – порождение стихии разговорной речи, для которой очень характерен специфический способ словообразования, именуемый в специальной литературе универбацией²⁶. Таким способом образованы слова *продленка* (школа продленного дня), *спальник* (спальный мешок) и другие. Причем морфема *сов-* в слове *совок* осмысливалась «народной этимологией» как связанная не с глаголом *совать*, а с существительным *совет* (*советы*) или прилагательным *советский*. На такое осмысление, несомненно, повлияли многочисленные аббревиатуры типа *совхоз*, *совнархоз*, *Совнарком*.

Особая роль в этом ряду принадлежит сложносокращенному слову *совдеп*. Так в первые годы советской власти называли Совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Слово *совдеп* очень рано стало обозначением Советской России, особенно среди эмигрантов (иногда в форме *Совдепия*). В последнее время слово это, долгое время находившееся под идеологическим запретом, возвратилось и в устную речь, и на страницы прессы, сохранив отрицательную окраску, например: *Тяжелая жизнь, доченька. Так и хочется тебя закрыть телом от этой Совдепии* (Устная речь, запись марта 1992 г.); *После двух поллитровых бокалов, выпитых до дна, к жене, наконец, вернулся дар речи. – С...ный совдеп, – тихо произнесла она, – и здесь достал...* (П. Воронков. Танец в стеклянном доме. Московский комсомолец. 25 января 1992).

Молодежь 80–90-х годов в большинстве своем уже не знала, как расшифровать вторую часть аббревиатуры *совдеп*, что и могло стать одним из стимулов к поиску такого же краткого и эмоционального, но более «прозрачного» названия для разлюбленной страны.

И, наконец, в молодежном жаргоне уже давно существовало словечко «*комок*», образованное способом универбации от словосочетания *комиссионный магазин*. И в этом случае основа прилагательного *комисс-* была усечена до краткого *ком-*, взят суффикс *-ок*, а в результате возникла метафора. В начале 90-х годов на смену комиссионным магазинам пришли так называемые коммерческие магазины, и теперь именно к ним стали применять название «*комок*», как в следующем очень ярком примере: *В шикарных апартаментах МХАТа им. А.П. Чехова обосновался коммерческий магазин «Салон у театра», а попросту – «комок». «В горле у Станиславского», – прибавляют остряки. И то сказать, мало радости Константину Сергеевичу.* (С «комком» в горле. Аргументы и факты, 1992 г.).

Итак, слово «*совок*» в интересующем нас употреблении является одновременно и семантическим конденсатом двусловного названия *Советский Союз*, испытавшим влияние аббревиатуры *совдеп*, и метафорой типа *комиссионный/коммерческий магазин* – «*комок*». Преднамеренная эта метафора или ненамеренная – не имеет значения, так как возможны оба варианта: и сознательное творчество, и случайное совпадение²⁷.

Дальнейшее движение значения словечка «*совок*» пошло по пути метонимического переноса. Оно стало обозначать не только страну Советский Союз, но и жителя этой страны, как в следующем примере: *К тому же, судя по высказываниям Владимова, он был и остался советским человеком, «совком», как говорит нынешняя молодежь* (В. Батшеев. Я никогда не любил ни советских писателей, ни советских людей. Столица. № 41–42. 1991. С. 20). Именно такое его употребление стало преобладающим.

Особый интерес представляет младший, так сказать, «словообразовательный родственник» существительного *совок* относительное прилагательное *совковый*, входящее в терминологизированное словосочетание *совковая лопата* (примитивный инструмент для тяжелой ручной работы). И если словечко *совок* стало метафорой советского человека, то *совковая лопата* вполне могла бы быть использована как символ его трудовых подвигов

на ниве социалистического строительства. Само же прилагательное *совковый* стало использоваться как синоним прилагательного *советский* и, как и последнее, может в зависимости от контекста толковаться не только как относительное, но и как качественное, причем с измененной на противоположную оценкой.

В самом начале 90-х годов употреблялось в том же значении прилагательное *совковский*: *Это же совковская столовая, а ты размышлял о свежем хлебе* (Устная речь): *Из неофициальных источников репортеру «МК» стало известно о готовящемся грандиозном и необычном проекте гуманитарной помощи христиан-протестантов своим совковским братьям по вере* (Московский комсомолец, 19.10.1991). Оно попало даже в некоторые словари, но в языке не удержалось²⁸.

И если когда-то всерьез писали о том, что *советское* – значит отличное, то *совковое* – это, конечно, только плохое, например: *По нашей просьбе фирма «Тест» в/о «Союзэкспертиза» провела анализ одного из «совковых» «Наполеонов» с маркировкой «Курьер Наполеон», ...загадочный напиток оказался ничем не лучше... обычной водки* (Е. Деева. Фальшивый император. Московский комсомолец. 5 марта 1992); *Кто-то из новых совковых коммерсантов крадет, приманивает ваших собак, чтобы потом продать их ободранные тушки на рынке как телятину* (Радиопередача «Зов», 12 марта 1992 г., из речи ведущей).

«Совок» – это, конечно, тоже личность малосимпатичная. Советский человек трактовался официальной идеологией как носитель всех возможных добродетелей (вспомним «Моральный кодекс строителя коммунизма»), его inferнальный двойник «совок», напротив, – вместилище всех мыслимых и немыслимых пороков. Причем зачастую ему приписываются такие качества, которые никак не могут претендовать на принадлежность какой-то определенной нации или конкретной социальной общности. И если *непреодолимый комплекс совковой неполноценности* (О. Осипенко. Свой путь в Палермо. Московский комсомолец. 3 марта 1992) или *совковая мнительность* (В. Жуков. Миллион в наследство. Московский комсомолец. 21 марта 1992), возможно, и могли бы характеризовать бывшего советского человека, то *чисто совковое выборочное милосердие*, выразившееся в желании усыновить не какого-то дебильного и грязного мальчишку, а мальчишка *чистенького, красивого, который поет так жалостливо* (В. Мукусев. Правила игры Владимира Мукусева. Московский

комсомолец. 29 января 1992) – это все же черта скорее общечеловеческая.

«Совок», таким образом, это не просто «*хомо советикус*», это «*хомо советикус*» с отсеченными положительными качествами, тупой полудурок, родной брат оруэлловского прола (см.: М. Павлова-Сильванская. У России есть шанс остаться великой державой. Известия. 21 февраля 1992). Вот так выглядит он, например, в определении, данном слову «*совок*» в одном из словарей: «маленький, невзрачный, суетливый, жадный, тупой, бесполоый. В основе образы недоразвитого, неполноценного существа (ср. *недомерок, недоумок*); не достигшего зрелости, но и не юного животного (ср. *подсвинок, телок*)»²⁹.

Одним словом, можно констатировать, что полку русской бранной лексики, которой и так «несть числа», прибыло: его пополнила нечистая пара «*совок*» – «*совковый*». Теперь, если человека хотят очень оскорбить, могут сказать и следующее: «*Смотри, какая я вся из себя уникальная, а ты совковый мэн*» (В. Токарева. Я есть. Ты есть. Он есть.). Или даже похлеще: *Вот ты и есть типичный совок. Мурло совковое.* (Устная речь, запись января 1992г.).

Метафора как средство речевого воздействия имеет одно важное свойство – «подсказывать, настраивать, наводить на определенный тип решения и поведения»³⁰. Метафора «*совок*» не подсказывала, конечно, правильных решений человеку бывшего СССР, не наводила его на адекватный ситуации тип поведения. Именно поэтому уже в 1992 году раздавались гневные инвективы против употребления этой метафоры.

Позволю себе привести обширную цитату: «Одни раздувают великорусский угар, другие же, напротив, иронизируют, а то и изгаляются над тупостью пресловутого ”совка”. ...Быстро укоренившееся в русском жаргоне словцо ”совок” не просто уродливо. Оно глубоко безнравственно... Нелепые шараханья или-или (если не ”народ-богоносец”, то сразу ”совок”, если страна не дураков, то уж непременно гениев) не делают чести никому... Присягая, Б. Ельцин сказал о России, поднимающейся с колен. Не знаю, стояла ли на коленях она, но что нам всем, обычным людям, давно пора, наконец, подняться и распрямиться, – факт. Если же все время думать лишь о величии державы, отродясь этого не дожидаться. А потому лозунгу ”Не хочу жить в банановой республике!” я предпочитаю другой: ”Не позволю, чтобы меня держали за

совка!» (М. Павлова-Сильванская. У России есть шанс остаться великой державой. Известия. 21 февраля 1992).

И в заключение ещё об одной особенности политической метафоры (а метафора «совок» является, вне всякого сомнения, тоже политической, так как она не просто вошла, а буквально вломилась в русский политический дискурс): она прекрасно сочетается с визуальным рядом. «Политические метафоры, особенно те, которые имеют длительную судьбу в политическом дискурсе, часто дают начало сериям карикатур, основанным на метафорических следствиях»³¹. Метафора «совок», будучи молодой, даже юной, и в этом отношении проявила повышенную прыть. В начале 90-х годов в одной из московских газет появилась такая карикатура А. Шабанова: изможденный небритый субъект тупо смотрит в начищенный до зеркального блеска совок для мусора и видит в нем свое отражение. Подпись воспроизводит его ошарашенно-узнающий возглас: «Ну, совок...» (См. рисунок ниже).

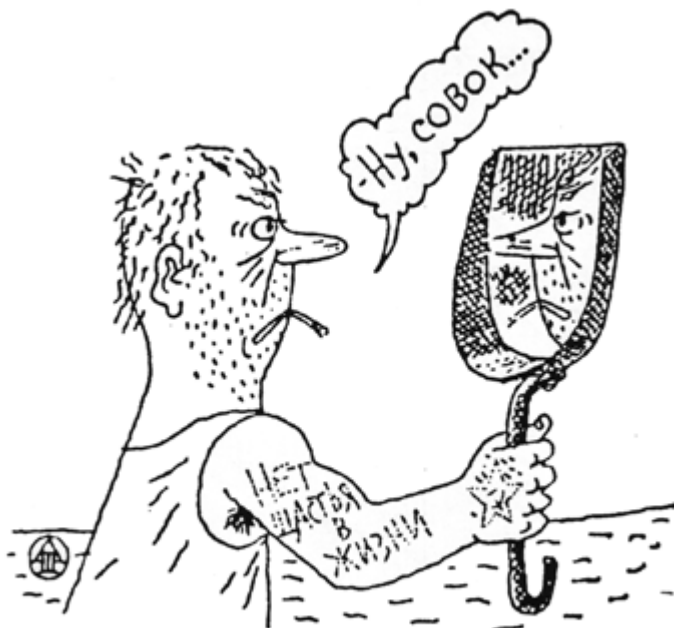

Рис. А. ШАБАНОВА.

В своей книге «Русская политическая метафора (материалы к словарю)»³² А. Н. Баранов и Ю. Н. Караулов писали: «Кривое зеркало идеологии, в которое самозабвенно смотрелось наше общество на протяжении семидесяти лет, треснуло. Но другого зеркала ещё нет...»³³. Свою статью о «совке» 1992 года я закончил пессимистическим вопросом: «Неужели они ошиблись и новое зеркало появилось? ”Ужели слово найдено?”...»³⁴. Но мой пессимизм оказался преждевременным. Прошло несколько лет, и от повышенной активности словечка «совок» мало что осталось. Попытаемся объяснить этот факт.

В 90-е годы в печати словечко «совок» довольно часто встречалось в кавычках (см. многие примеры выше), что неопровержимо свидетельствовало о его переносном, метафорическом употреблении. Но если для полноценной метафоры в предложении основной является функция сказуемого³⁵, то словечко «совок» в большинстве случаев занимало иные синтаксические позиции. Оно вступило на путь, в конце которого – изживание, стирание метафоры, ведущее к формированию у слова нового, но уже не метафорического значения. «Рано или поздно практическая речь убивает метафору»³⁶.

Словечко «совок» прошло этот путь до конца, свидетельством чему стал лексикографический «вид на жительство», выданный ему академиком Н.Ю. Шведовой в «Толковом словаре русского языка с включением сведений о происхождении слов». Здесь находим два разных по значению, но совпадающих по написанию и произношению (то есть определяемых автором как омонимы!) слова: *совок*¹ («предмет в форме лопатки с загнутыми кверху боковыми краями») и *совок*² («человек, проникнутый советским мировоззрением, советской идеологией»)³⁷. Значение «Советский Союз» у Н.Ю. Шведовой отсутствует. Однако оно легитимизировано в других словарях, например, у В.В. Лопатина и Л.Е. Лопатиной: *совок*² – О Советском Союзе, советском строе и его характерных чертах³⁸.

Получив такие авторитетные лексикографические документы, *совок*, так сказать, ушел с политической арены в тень обыденной языковой жизни и здесь вполне комфортно обосновался.

Во-первых, он обзавелся достаточно традиционным словообразовательным гнездом. Кроме прилагательного *совковый* и (редкого) *совковски* возникло существительное *совковость* в значении «совокупность отрицательных качеств, свойственных советским людям»³⁹ или, более нейтрально, «свойство совкового»⁴⁰. Один из словарей зафиксировал существительное *совуха* без

толкования значения (возможно, *совок* женского рода?), а также сложное существительное *совковыжималка* с пометкой *шутл.*, но тоже без толкования⁴¹. Где-то на периферии языка средств массовой информации промелькнуло также существительное *совкизм* в значении ‘философия совка’, которое следа в словарях не оставило. Появились и соответствующие наречия: *совково* в значении ‘по-советски, некачественно, плохо’⁴² и *по-совковому* в том же значении (редкое, в картотеке автора есть только одна фиксация его употребления в устной речи, датированная 1997 г.: *Да, конечно, ремонт... Только как-то по-совковому у вас получилось*).

Во-вторых, в качестве имени нарицательного *совок* простер свою номинативную функцию на целый ряд неодушевленных предметов: это и ‘самосвал марки КРАЗ’⁴³, и ‘такси одной из фирм в Пскове’⁴⁴, и ‘музыкальная псевдоприставка COVOX’ (в речи компьютерщиков, есть также вариант *совок-с*)⁴⁵. А в студенческом жаргоне *совок* стал обозначением учебного предмета «Советская литература»⁴⁶.

В-третьих, *совок* в качестве имени собственного вторгся в региональную топонимику. Например, в Пскове появились два Совка-топонима: *Совок – улица* и *Совок – мост* (прежние названия: улица Советская; Советский мост)⁴⁷.

В-четвертых, *совок* обрел даже собственную фразеологию, правда пока еще, выражаясь на молодежном сленге, в виде *прикола* (то есть шутки, розыгрыша; остроумного высказывания). «Прикольный словарь» В.М. Мокиенко и Х. Вальтера приводит антипословицу *Где «совок», там и «мусор»* (имеется в виду, конечно, *совок – житель СССР* и *мусор – милиционер*)⁴⁸. Некоторые словари в зоне фразеологизмов указывают также ряд устойчивых, идеоматизированных сочетаний со словом *совок*, например: *старый совок* в значении ‘ветеран КПСС’⁴⁹ и *совки Совка* в значении ‘граждане СССР’⁵⁰. (Впрочем, статус этих словосочетаний как фразеологизмов не до конца ясен).

И, наконец, в-пятых, выполнив функцию языкового инструмента для погребения мифа о «Советском Союзе» и «советском человеке», *совок* утратил агрессивную напористость политической метафоры, перестал фигурировать в формулах разоблачения, устрашения и принуждения, приобрел некоторую толерантность и даже определенный сентиментально-ностальгический шарм. Стали говорить так: *Я – обычный «совок». В это слово я вкладываю и плохое и хорошее. Когда оно применяется только как руга-*

тельство – в этом какой-то экстремизм (Слова кинорежиссера Э. Рязанова)⁵¹. Или так: Мой словарь представляет ту языковую среду, в которой я жил: московские улочки, подворотни, школа с матуклоном (скорее матерным, чем математическим), пресловутые кухонные советские разговоры и т.д. Все это мне очень дорого. У меня нет отторжения к «совку»⁵².

Чем же были вызваны такие существенные изменения в «языковой жизни» слова *совок*? Объяснений, конечно, много. И не в последнюю очередь – разочарование в той действительности, которая пришла на смену якобы беспросветно-безрадостному «совковому» периоду нашей истории. Стало, например, очевидно следующее: *Вот в чем разница: в проклятом неэффективном «совке» за взятку сажали (хотя и не всегда), а сейчас она почти официально разрешена* (С. Валянский, Д. Калужный. Нужна ли власти борьба с коррупцией? Литературная газета. 31 июля – 6 августа 2002 г.). Стало ясно и другое: пришедший на смену пресловутому тупому «совку» «новый русский» – существо гораздо более неприглядное и даже жуткое. Завершая в 2003 г. главу своей новой книги, посвященную слову *совок*, я закончил ее на оптимистической ноте: «Поэтому "совок" и не стал тем зеркалом, в котором новое российское общество хочет найти свое отражение»⁵³. И, как вскоре оказалось, поторопился с выводами.

Начался новый период в истории интересующего нас слова, и лапидарное имя ему дала радиостанция «Эхо Москвы»: «*Возвращение совка*» (Название радиопередачи 02.08.2007). Слово *совок* опять зазвучало с агрессивно-непримиримыми, обличительными интонациями: *Девушки бредили выходом замуж за иностранца. Молодежь презрительно называла свою страну «совок»* (Из телефильма об угонщиках самолета братьях Овечкиных. Речь ведущей. 2008 г.); *Советского человека после того, как кончился Советский Союз, не зря называли совком... Советский человек был запуганный и смертельно болен* (Из телепередачи. Речь писателя В. Ерофеева. 2008 г.). Последний пример особенно любопытен. В. Ерофеев как бы забывает историю возникновения метафорического значения слова *совок* и употребляет его, как будто у него всегда, «от Адама» было прямое значение ‘запуганный, смертельно больной человек’. Что же произошло в эти годы? Почему слово *совок* опять так активизировалось в своем пейоративном качестве?

Чтобы ответить на этот вопрос, придется обратиться к обзору некоторых моментов (а точнее, всего одного момента) поли-

тической жизни России последних лет, хотя эта задача, конечно, не лингвистическая. Однако вспомним, что в данном случае мы имеем дело с ключевым словом, политический подход к анализу семантики, а особенно функционирования которого, как было уже отмечено, не только возможен, но иногда просто необходим.

Все хорошо помнят дело «Юкоса», приведшее к осуждению и заключению в тюрьму Б. Ходорковского. Дело это вызвало мощный резонанс и в российском обществе, и за рубежом. Либеральные круги трактовали процесс над Ходорковским как политическую расправу и делали отсюда вывод, что верховная власть возвращается к репрессивным методам управления экономикой и обвиняли ее в попытках реанимировать тоталитаризм, советский строй как общественно-экономическую систему и Советский Союз как систему политическую. Не буду анализировать ситуацию по сути (суждения по этому поводу могут быть – и были – самые разные, вплоть до диаметрально противоположных). Отмечу только, что именно с этих, «право-либеральных» позиций, и прозвучало предупреждающее «Совок возвращается», или алармистское «Тревога! Совок возвращается!», или даже алармистско-прокламационное «Тревога! Совок возвращается! К оружию!».

Дело «Юкоса» именно в подобной трактовке нашло отражение в написанном, что называется, по горячим следам недавно ушедшим из жизни Василием Аксеновым романе «Редкие земли»⁵⁴. Главный герой романа олигарх-миллиардер Ген Стратов, один из совладельцев занимающейся добычей и промышленным применением редкоземельных элементов корпорации «Таблица-М», начавший «из недр тоталитарного комсомола» со всем своим «редкоземельным сообществом» поход к «гражданскому обществу», вынужден вступить в борьбу с «параллельной государству структурой скрытно – большевиков МИО» (эта «зловещая аббревиатура» читается как «Мать-И- Отец»), которая «опутала все общество псевдо-патриотической паутиной» и цель которой «нацистская перестройка» и «возрождение СССР».

Автор романа, выступающий под именем Базз Оксёлотл, «фигура, некогда противостоящая тоталитарному режиму», «вернувшийся из изгнания представитель либеральной общественности», «активный борец за гражданское общество», полностью на стороне Гена Стратова и его «провинившейся перед всем скрытно-советским народом корпорации». В аннотации к роману читаем: «Это страшное предвестие того, что история снова может

повториться». И вот против этого повторения истории, против «возвращения совка» и выступает автор вместе со всей «либеральной общественностью» (хотя в самом романе слово *совок* в значении ‘Советский Союз’ встречается лишь раз, прилагательное *совковый* не употребляется совсем, и один раз использовано прилагательное *совдеповский* в весьма нейтральном контексте: *немного совдеповский вальс Шостаковича*).

Как ни парадоксально, с этим, назовем его «право-либеральным» отпором «возвращающемуся совку» совпал и, так сказать, «лево-патриотический» бунт против его реанимации, выразителем которого стал Захар Прилепин, четко сформулировавший идеологию этого бунта в своем яростном памфлете «Второе убийство Советского Союза»⁵⁵. В нем автор, с одной стороны, беспощадно клеймит «демократов», совершивших первое убийство его Родины и выдумавших слово «*совок*»: *Появилось восхитительное слово «совок». Вообще я не жестокий человек, но тому типу, что придумал это определение для всех советских людей вообще, я бы лично отрезал кончик языка. При слове «совок» этот тип издавал бы характерный, ласкающий мне ухо свист. Особенно автора возмущает применение этого определения к ветеранам «Великой и Отечественной»: И вот их – в медалях и орденах, с забытыми меж ребер осколками, их – с гордыми и слезящимися глазами, которыми они четыре года подряд заглядывали за край бездны, – их «совками» прозвать! Их, отстроивших эту страну заново, на которую вы налетели, как последнее шакальё!*

С другой стороны, автор против «быстрой, неприятной реставрации ржавого советского репрессивного аппарата и ржавой советской идеологической машины», против «нынешних реставраторов», собравших воедино «все атрибуты ханжества, глупости и низкопоклонства “красной” эпохи», которые «терпеть во второй раз ни сил нет, ни смысла», и тем убивших уже мертвый к тому времени Советский Союз во второй раз. В адрес «вытащенной из гроба», «гадкой мумии» Советского Союза автор, как он пишет, *сам стал приносить слово «совок». И еще: «Совок, блин!» И иногда даже: «Совок, б...дь».*

Таким образом, «возвращение совка» в политический язык происходило по двум направлениям: во-первых, в уже традиционном, так сказать, «право-либеральном» значении ‘Советский Союз’, ‘советский человек’; во-вторых, в значении новом, услов-

но говоря, «лево-патриотическом»: ‘реанимированная «гадкая мумия» мертвого Советского Союза’.

Как можно оценить перспективы «возвращения совка», конечно, не с точки зрения политолога или экономиста, а с точки зрения лингвиста: возможно ли возвращение слова *совок* в ряды наиболее востребованных ключевых слов эпохи?

В первую очередь о слове *совок* в его условно нами обозначенном «лево-патриотическом» значении. Оно явно вторично по отношению к значению, названному нами «право-либеральным», отталкивается от него и в то же время им питается: возродится активность, так сказать, «право-либерального» *совка* – сможет существовать и *совок* «лево-патриотический».

Что касается слова *совок* в значении ‘Советский Союз/советский человек’, то и его возвращение в разряд ключевых слов нашего времени проблематично по следующим причинам.

Во-первых, в слове *совок* умерла метафора (вспомним Н.Д. Арутюнову: «Практическая речь убивает метафору»; вспомним Н.Ю. Шведову: слова *совок*¹ (совок для мусора) и *совок*² (советский человек) – омонимы); следовательно, исчезло ощущение семантического сдвига: в метафоре «*совок*» из-за значения ‘Советский Союз’, ‘советский человек’ как бы постоянно выглядывало значение ‘совок для мусора’. Эта многослойность метафоры прекрасно иллюстрируется карикатурой А. Шабанова: совок здесь и предмет для уборки мусора, и – одновременно! – зеркало, запечатлевшее облик советского человека, он как бы существует в совке, отсюда – «*совок*» (советский человек) живет в «*совке*» (Советском Союзе). Вспомним упоминавшийся ранее фразеологизм *совки Совка* в значении ‘жители СССР’, в котором эта метафорическая игра значениями слова особенно выпукла и ярка. Смерть метафоры убила и мощный аффективно-персуазивный потенциал слова *совок*.

Во-вторых, у слова «*совок*» сформировалось новое прямое значение, точнее, два значения: *совок* – ‘Советский Союз/советский человек’, а с этими прямыми значениями связаны теперь как пейоративные (отрицательные), так и мелиоративные (положительные) коннотации и оценки. Среди мелиоративных коннотаций назову лишь несколько: *советский человек* – «я молодой, мои молодые родители, мои молодые друзья»; *Советский Союз* – «мой дом, моя школа, мои любимые переулки, моя родина и родина моих родителей». С такими мощными личными

**Русский язык сегодня.
Несколько штрихов к портрету**

коннотациями очень сложно справиться. Вспомним неудачную попытку В. Ерофеева приписать слову *совок* «фантомное» значение ‘запуганный, смертельно больной человек’, основанное на утрированном выпячивании связанных с ним пейоративных коннотаций и оценок и полное отсечение коннотаций и оценок мелиоративных. Вообще следует отметить, что словом в его прямом значении манипулировать намного сложнее, чем лукаво-двуликой метафорой.

Подводя итог, попробуем ответить на вопрос: произошло ли «возвращение *совка*», его возрождение в роли ключевого слова нашего времени? Пока, похоже, нет. Однако... Поживем – увидим.

3. Дискурс: новояз, стёб, «война языков»

К речи на русском языке, особенно к русской речи в российских средствах массовой информации в последние годы читающей либо слушающей публикой и изучающими ее специалистами-филологами предъявляются многочисленные и, увы, чаще всего вполне обоснованные претензии. Публику раздражает или шокирует, а специалистам кажется неоправданным или даже неприемлемым многое – и перенасыщение языка средств массовой информации неоправданными заимствованиями, и обилие в нем жаргонной, «блатной» и даже матерной лексики, и нарушение нормального темпа и нормативного интонационного рисунка речи, и так далее, и тому подобное.

Яркой особенностью языка средств массовой информации последних лет является так называемый стёб. Социологи Л. Гудков и Б. Дубинин дают такое определение этого явления: «Стёб – род интеллектуального ёрничества, состоящий в снижении символов через демонстративное использование их в пародийном контексте...»⁵⁶.

А. Агеев делает к этому определению такое дополнение: «В сущности, стёб очень близок блатной фене: и тот, и другая – языки довольно замкнутых социальных групп, одновременно избранных и отверженных»⁵⁷.

Стёб как особый стиль общения, как специфический язык интеллигентской и молодежной «тусовки» возник и развился в 70–80 годы. А. Агеев пишет: «...ёрничество и стёб были тогда противопоставлены официальному политико-патетическому жаргону, а заодно и всему ”великому русскому языку”, позволившему себя редуцировать до партийного ”новояза”. Это была своеобразная

культурная самооборона, весьма, впрочем, глухая и не всегда ясно осознаваемая "носителями языка"»⁵⁸

Время тоталитарного «новояза» безвозвратно ушло, однако противостоящий ему стёб выжил, и не только выжил, но и расцвел пышным цветом. Об этом недоуменно писал в 1994 году А. Агеев: «Удивительно, однако, вот что. На наших глазах сменилась эпоха, ушел в прошлое контекст, в котором стёб только и мог существовать и "функционировать". Вдруг некому и нечему стало противостоять, ибо партийная риторика стала частным делом отставных специалистов по "научному коммунизму". Да и единомышленники, носители языка как-то незаметно лишились культурного общего пространства. Стёб по всем расчетам должен был тихо почить в бозе. Но не тут то было! Последние три-четыре года стали временем настоящего триумфа стёба. Стебают нынче все! Вслед за удачным "Московским комсомольцем" застебали "Независимая", уважаемая "Сегодня", гордый "Коммерсант". В журнале "Столица" перебивают друг друга два мастера просто-таки виртуозного стёба – Денис Горелов и Алексей Ерохин»⁵⁹

Со времени написания цитированных слов А. Агеева прошло больше двадцати лет, но ситуация практически не изменилась: средства массовой информации как злоупотребляли стёбом, так и продолжают это делать. Для того, чтобы понять причину такой живучести стёба, попытаемся разобраться, чем был его противник «новояз» и чем стал после ухода «новояза» сам стёб.

Блестящий анализ «новояза», или языка политических текстов советской эпохи, дал в своей уже ставшей классической работе Патрик Серию⁶⁰. В результате этого анализа выявляются две яркие особенности советского политического языка – так называемые «номинализация» и «сочинение».

Номинализация – это замена личных форм глаголов их производными на *-ание, -ение, -ация* и т.п., например: «Главным источником роста производительности труда должно быть повышение технического уровня производства на основе развития и внедрения новой техники и прогрессивных технологических процессов, широкого применения комплексной механизации и автоматизации, а также углубление специализации и улучшение производственного кооперирования предприятий».⁶¹ Итогом таких бесчисленных номинализаций становится «исчезновение субъекта, агенса того, о чем говорится. Все процессы приобретают безличный облик, хотя и не схожий с тем, который имеет "классическая"

безличность в русском языке (например, *Меня так и осенило, Его будто бы ударило*, и т. п.). А после того как субъект устранен, возможны дальнейшие уже чисто идеологические манипуляции с поименованными сущностями»⁶².

Сочинение – это соединение посредством союза *и* понятий, которые в обычной русской речи синонимами не являются, например: «партия и народ». Союз *и* вообще может устраняться, и возникают сочетания типа «партия, весь народ» или «комсомольцы, вся советская молодежь». Как пишет Ю.С. Степанов, результатом этой процедуры становится следующий семантический парадокс: «огромное количество понятий в конечном счете оказывается как бы синонимами друг друга, чем и навевадается идея об их действительном соотношении “в жизни”, о чем-то вроде их тождественности»⁶³.

Что же, согласно анализу П. Серио, возникает в результате десятилетий «советского способа оперирования с языком»? По его мнению, это не новый язык, и не новый «подязык», и не новый «стиль». Это так называемый «дискурс». Давая определение этому сложному понятию, академик Ю. С. Степанов пишет: «дискурс – это “язык в языке”, но представленный в виде особой социальной данности. Дискурс реально существует не в виде своей “грамматики” и своего “лексикона”, как язык просто. Дискурс существует прежде всего и главным образом в текстах, но таких, за которыми встает особая грамматика, особый лексикон, особые правила словоупотребления и синтаксиса, – в конечном счете – особый мир. В мире каждого дискурса действуют свои правила синонимичных замен, свои правила истинности, свой этикет. Это “возможный (альтернативный) мир” в полном смысле этого логико-философского термина. Каждый дискурс это один из “возможных миров”. Само явление дискурса, его возможность, и есть доказательство тезиса “Язык – дом духа” и, в известной мере, тезиса “Язык – дом бытия”»⁶⁴.

Тезис «Язык – дом бытия» принадлежит, как известно, крупнейшему философу-экзистенциалисту Мартину Хайдеггеру⁶⁵. Ю.С. Степанов, отмечая предельную «онтологизированность» концепта языка у Хайдеггера, дает свои определения языка как «дома бытия духа» и как «пространства мысли»⁶⁶.

Итак, «новояз» как особый дискурс, как особый «язык в языке» был особым, специфическим «домом бытия», или «домом бытия духа», или особым «пространством мысли». Развивая метафорические возможности тезисов М. Хайдеггера и Ю. С. Степанова,

можно сказать, что если язык классической русской литературы был «усадебой бытия», то «новояз» сталинско-брежневских времен – «ГУЛАГом бытия, духа и мысли». В таком случае язык диссидентствующей интеллигенции советского времени можно уподобить «кухне бытия, духа и мысли». На этой знаменитой кухне, вдали от всеслышащих ушей и всевидящих глаз, между «своими» рождались крамольные мысли и говорились крамольные вещи. И говорились они на языке стёба, препарировавшем, как скальпель, омертвелые «новоязовские» номинализации и согласования. Стёб стал домом новой, препарирующей мысли и нового, оппозиционно-деструктивного бытия. И в этом его важная роль в разрушении «новояза» как ГУЛАГа бытия и мысли.

И вот «новояз» как особый дискурс и как особое «пространство мысли» разрушен, но стёб продолжает существовать в своей главной функции – функции своего рода интеллектуальной лаборатории. Здесь можно «разъять» тело символов и других языковых форм на составляющие элементы, подвергнуть их разъедающему воздействию кислоты иронии и поставить диагноз – «вещь ли это настоящая» или фантом, идеологический труп?

В связи с анализом «новояза» и стёба в качестве особых типов дискурса возникает еще один вопрос, в современном российском языкознании не затрагиваемый: если стёб находился с «новоязом» в отношениях противостояния, если его «сверхзадачей» было разрушение и полное уничтожение этого «политико-патетического жаргона», то не вправе ли мы определить эти отношения, вслед за Роланом Бартом, как «войну языков»?⁶⁷ И следовательно, не приходится ли признать еще один факт: русский язык сегодня существует в разделенном виде.⁶⁸

Ролан Барт, как известно, полагал, что разделение языков в современных обществах обусловлено их отношением к Власти. Соответственно им различаются *внутривластные* (осененные Властью) или *энкратические* языки (виды дискурса) и *вневластные* (обретающиеся, вооружающиеся вне Власти и/или против нее) или *акратические* языки (виды дискурса)⁶⁹. Легко видеть, что «новояз» по всем своим признакам попадает под определение энкратического дискурса, а стёб – под определение дискурса акратического.

В советские времена стёб вел себя как типичный акратический дискурс: он был резко обособлен и социально ограничиваясь достаточно узким кругом молодежной и интеллигентской

«тусовки»), и системно, радикально отличаясь от энкратического «новояза» арсеналом своего «языкового оружия»: набором лексических, синтаксических и стилистических средств. Кроме того, стёб, как и полагается акратическому дискурсу, был парадоксален, то есть агрессивно противостоял доксе (в терминологии Аристотеля докса – это расхожее общее мнение, «вероятное», но не «верное», не «научное») ⁷⁰.

Однако после развала Советского Союза и после «окончательной и бесповоротной» победы стёба на энкратическим «новоязом» произошло нечто не вполне укладывающееся в логику «войны языков». Согласно этой логике стёб или сам должен был трансформироваться в энкратический дискурс, или уступить свое место победителю какому-либо иному дискурсу, могущему на эту роль претендовать.

И надо сказать, что претендент на освободившееся место энкратического дискурса был. Стёб не являлся единственным акратическим дискурсом в СССР. Ту же функцию выполнял язык диссидентов – ученых, публицистов, политиков, выступавших с позиции критиков официозного языка и полагавших, что эта их позиция «позволяет отличать реальное от нереального и определять меру несоответствия слов и действительности» ⁷¹. Таким образом, «новоязовское» слово *колхоз* переводилось на «человеческий язык» как «рабовладельческая плантация, принадлежащая бюрократическому аппарату и управляемая посредством репрессий» ⁷², а «трудовой энтузиазм масс» как выражение, прикрывающее «безудержную эксплуатацию человека государством, заставляющим советских граждан надрываться на непосильной работе в холоде и голоде, под страхом репрессий» ⁷³.

Критикуя такой метод перевода «новоязовских» определенных на «человеческий язык», Патрик Серио в одной из своих работ писал: «Такая позиция является призрачной внешней точкой, находясь в которой, субъект якобы мог бы оценить реальность и слова, используемые для того, чтобы говорить о ней, не определяя своего собственного отношения к этой реальности; данное отношение представляется как непосредственное, абсолютизированное и не вызывающее вопросов... Эта идеология прозрачности порождает впечатление проникновения в истину: субъект, для которого “колхоз” является непрозрачным знаком, **восстанавливает истину** тогда, когда видит рабовладельческую плантацию... Для него этот дискурс является настолько

“естественным”, что слова, которые он использует, становятся **невидимыми**”⁷⁴.

Справедливость критики П. Серио такой позиции кажется особенно очевидной сегодня, когда советский «деревянный язык» ушел в прошлое и неожиданно для многих стало очевидным, что диссиденты, в свое время так много сделавшие для приближения его конца, действительно говорили не на вожделенном «Адамовом языке», то есть таком абсолютно «прозрачном языке», слова которого «являются не более чем незаметными и лояльными представителями вещей»⁷⁵, а строили свой дискурс, прозрачность которого, лишенная мрачного фона «деревянного новояза» советской эпохи, значительно поубавилась.

Сейчас, из нашего настоящего, казавшегося не так давно прекрасным и свободным от лжи будущим, не так-то уж и очевидна справедливость такого утверждения: «Самолюбование и самовосхваление является ширмой, покрывающей безотрадное существование советских республик, за которыми установились казенно-восторженные эпитеты: цветущая Украина, солнечная Грузия и т.п.»⁷⁶. Действительно, была Украина цветущей, а Грузия солнечной при коммунистическом тоталитаризме или нет? Это, как говорится, с какой стороны посмотреть. Нынешняя Украина и Грузия уж во всяком случае не в состоянии претендовать на эти, пусть даже и «казенно-восторженные», эпитеты. И если «колхоз» был «кробладельческой плантацией», то какая номинация является «прозрачной» для того, что образовалось на месте развалившегося «колхозного строя»? Воистину, впору прибегать к помощи стёба.

Таким образом, язык диссидентов, оказавшийся совсем не таким адекватным действительности, как хотелось бы обществу, не занял место энкратического дискурса, не превратился в новую *доксу*. Но не занял этого места, как уже отмечалось, и стёб, да и не мог его занять в силу своих структурных особенностей: стёб прекрасное оружие «войны языков», великолепный инструмент разрушения, но созидать посредством стёба нельзя. В анатомическом театре можно постичь строение тела человека, но рождение новой личности происходит в другом месте. Так вот, стёб может быть уподоблен «анатомичке», прозекторской интеллекта, но ни в коем случае не его роддому. Можно век сидеть в интеллектуальной прозекторской стёба и так и сяк препарировать разъятый труп умершего «новояза», но что-либо, кроме анатомических препаратов, породить при этом вряд ли удастся. Думается, нет оснований приветствовать стёб как одну

из форм раскрепощения личности. Еще в августе 1994 г. А. Битов, Е. Германова, Б. Окуджава, игумен Иннокентий, Д. Пригов, Л. Чудакова и другие представители российской интеллигенции опубликовали в газете «Известия» письмо, в котором были такие слова: «Газетчики и телерепортеры сегодня нередко пользуются свободой слова как наркотиком, сажая своего потребителя на иглу цинического “стёба”, подходя ко всему на свете с забубённой легкостью»⁷⁷. Трудно с этими словами не согласиться. Действительно, стёб в современных российских условиях – это проявление цинизма, и так достаточно широко распространенного, поэтому он не может претендовать на роль энкратического дискурса, которому по крайней мере в начальной стадии своего функционирования для того, чтобы эффективно обслуживать власть, требуется достаточно мощный не разрушительный, а созидательный потенциал.

Таким образом, в современном российской обществе сегодня сложилась парадоксальная ситуация: есть и активно функционирует акратический дискурс, но нет в достаточной мере сформировавшегося дискурса энкратического. Тогда возникает вопрос: с чем (или с кем) ведет «языковую войну» агрессивный стёб? С внеязыковой действительностью? С обществом? С зачатками формирующегося энкратического дискурса? Как говорится, «вопрос, конечно, интересный», и ответ на него может быть весьма и весьма любопытным, однако это – дело специального исследования, которое пока никто не сумел (или не захотел?) осуществить.

4. Реклама: от качества-термина к качеству-мифу

В последние годы большое внимание исследователей привлекает язык рекламы, характеризующийся весьма интересными особенностями. Так, многие слова в рекламных текстах обретают неожиданные определения. *Цена* в рекламе, например, может стать *смешной, сказочной, убойной* или просто *та-а-акой*. Но особенно любопытные трансформации происходят в рекламных текстах со словом *качество*, история которого в русском языке насчитывает уже почти тысячу лет.

Первоучители славян Кирилл и Мефодий переводят книги на церковнославянский язык. Миниатюра из Радзивилловской летописи

Для того, чтобы перевести на церковнославянский язык основные богослужебные и канонические книги, первоучителям Кириллу и Мефодию и их последователям пришлось разрабатывать и реализовывать сложную переводческую технику, позволившую создать в кратчайшие сроки славянскую научную терминологию в самых различных областях знаний. Одним из примеров философских терминов, созданных, возможно, во времена Кирилла и Мефодия или немногим позже, может служить слово *качество*, вряд ли кем-либо, кроме специалистов, воспринимаемое сегодня как заимствование.

В церковнославянском языке слово *качество* (*качьство*) было образовано от местоимения *какъ* (краткая форма местоимения *какой*) с помощью суффикса *-ство*. Согласный *к* перед *ь* изменился в *ч*, а гласный *ь* после падения редуцированных – в *е*. По сути дела это слово является калькой с греческого названия категории качества, которую Аристотель обозначал вопросительным местоимением *Какой*.

Слово *качьство*, вошедшее в древнерусский язык не позднее XI века, встречается уже в Изборнике Святослава 1073 года, где читаем: «Качьство есть вьсущная сила, рекьше о родех убо съставная розличья, рекьше словесьное, съмрьтъное, бесъмрьтъе и прокая». Являясь отвлеченно-книжным славянизмом, слово это относилось к числу «неудобъ познаваемых речей» и требовало специального толкования.⁷⁸ Вот как толкуется оно в одном из словарей XVII века под названием «Книга глаголемая греческий алфавит»: «Качьство, естество какво чему любо: аще речеши, видех человека, и реку ти какова человека: бела ли, черна ли, и паки млада ли или стара, то есть качьство, еже есть каковство».⁷⁹ Подобным же образом толкуется это слово в азбуковниках XVI–XVII веков, например: «Аще речеши: видех человека, вопрошу ти о качестве его, рекше о каковстве лица и образа, еже есть черни или бел, стар или млад. Сице качество глаголется и при древех, птицах, зверех, камнех, питий и явствий и прочих вещех. Различно бо лица естество имуть».⁸⁰ Для толкования слова *качество*, как видим, используются два слова: *естество* и *каковство*.

Естество – это старославянская калька с греческого названия ещё одной аристотелевской категории: *ousia* (от глагола ‘быть’, ‘существовать’) – «усия» или «сущность», «субстанция». *Каковство* – это как бы вторичная калька. После того, как внутренняя форма слова *качество* из-за различных фонетических изменений стала непрозрачной, затемнилась ее связь с местоимением *какой*,

возникла необходимость в кальке с кальки: русское *каковство* равно старославянскому *качество*, и оба они по сути значат «какойство», или, если ввести это квазислово в ряд более современных терминов, «какойность».

Любопытно отметить, что родственный русскому украинский язык пошел в «просветлении» внутренней формы слова *качество*, так сказать, до конца. *Качество* по-украински обозначается существительным *якість*, производным от местоимения *який*, имеющего значение ‘какой’, ‘каков’. Украинское слово *якість* равнозначно русскому *каковство*. Надо сказать, что и в некоторых древнерусских памятниках встречается перевод латинского слова *qualitas* (‘качество’) словом *якость*. Однако в русском языке это слово, явно появившееся под влиянием польского языка, не прижилось, так как не соотносилось, как в украинском, с соответствующим местоимением.

У Аристотеля категория «усия» («сущность») называется также вопросом «Что это есть?», или «Чем является?» (по-латински *Quid sit*). Это обозначение «сущности» на латинский язык было переведено как *quidditas*, чему в русской философской традиции соответствует термин «чтойность» (от вопроса «Что есть?»). Каким же образом в толковании слова *качество* в древнерусских азбуквниках столкнулись два таких несовместимых понятия, как *естество*, то есть «усия», «сущность», «субстанция», или «чтойность», и *каковство*, то есть «какойность»? На вопросы «Что это есть?» и «Какое это?» отвечают совершенно разные слова.

Однако никакого «*qui pro quo*» в толкованиях азбуквников нет. За вскрытыми противоречиями таится целая эпоха в развитии европейской философии. Ограничусь кратким пересказом всех хитросплетений этой захватывающей драмы мысли.

От Аристотеля идут две линии в учении о сущности. Первая нашла свое отражение в труде Аристотеля «Категории». Здесь Аристотель разделяет сущности на первые, или первичные, и вторые, или вторичные. Первые сущности – это индивиды, индивидуальные существа или объекты, например: отдельный человек, отдельная лошадь. Вторые сущности – это виды и роды, например: человек вообще, живое существо. Вторые сущности последовательно включаются в наивысший род – категорию «Сущность». По Аристотелю, и первые, и вторые сущности реально существуют, но в разной степени. Отсюда возникает идея градации, или иерархии бытия. Синонимом термина «усия – сущность», пони-

маемого как индивид, выступает также слово *ипостась*, которое в православии закрепилось в значении ‘одно из лиц св. Троицы’.

Вторая линия в учении о сущности намечена в аристотелевской «Метафизике», где находим такое резюме: «Итак, получается, что о сущности говорится в двух [основных] значениях: в смысле последнего субстрата, который уже не сказывается ни о чем другом, и в смысле того, что, будучи определенным нечто, может быть отделено [от материи только мысленно], а таковы образ, или форма, каждой вещи». ⁸¹ Термин «вторые сущности» в «Метафизике» не употребляется, и это влечет за собой важные следствия, имеющие самое непосредственное отношение к нашей теме. Поэтому позволю себе привести обширную цитату из труда академика Ю. С. Степанова «Язык и метод»: «Вся иерархия категории Сущности именно как единой категории перестает существовать и все ярусы включений становятся чем-то вроде качеств первых сущностей. Действительно, с развитием этой точки зрения все большее развитие получает категория Качество. Она поглощает все верхние ярусы иерархии Сущности (т. е. все, кроме первых сущностей) и все остальные категории, кроме Отношения (Соотнесенного). В “Метафизике” по большей части проводится именно такой взгляд, но как бы в его начальном виде – речь идет о трех основных категориях: Сущность, Свойство, Отношение (Соотнесенное). В таких логико-лингвистических системах XX века, как система Р. Карнапа, гипертрофия понятия “свойство” (а это видоизменение категории Качество) достигает предела: ‘класс’ отождествляется со ‘свойством’». ⁸²

Две линии в понимании сущности дали начало двум важнейшим направлениям в философии – концептуализму или реализму (первая линия) и номинализму (вторая линия). Приверженцы реализма, как известно, утверждали, что общие понятия (универсалии) имеют реальное существование и предшествуют существованию отдельных вещей. Виднейшим реалистом был Ансельм Кентерберийский. К этому же направлению примыкал Фома Аквинский. Номиналисты же полагали, что реально существуют только отдельные вещи с их индивидуальными качествами. Общие понятия, создаваемые нашим мышлением, независимо от вещей не существуют. Номиналистами были Дунс Скотт и Окам. В Новое время идеи номинализма развивались в учениях Беркли и Юма.

В средневековой философии два понимания сущности закрепились за двумя терминами, о чем известный исследователь истории философской терминологии А. И. Юрченко пишет: «Сущность как

бытие само по себе (вещь, объект) преимущественно стала называться *substantia*, а сущность как суть вещи, как общее в вещах – *essentia*⁸³». В философских главах Изборника Святослава 1073 года отражены оба понимания сущности – и как субстанция, и как эссенция. Здесь же дается толкование и термина «естество», который «внешние», то есть нехристианские, философы понимали как сущность, «окачественную до уровня низшего вида».⁸⁴ Впрочем, одновременно отмечается, что святые отцы использовали оба термина – и сущность, и естество – как синонимы, так как «и (слово) “сущность” образовано от (глагола) “существовать”, и (слово) “естество” – от (глагола) “есть”. Но (слова) “существовать” и “есть” означают одно и то же, ибо оба говорят о бытии, существовании».⁸⁵ Следовательно, и термин «естество» мог толковаться в двух смыслах – и как сущность-субстанция, и как сущность-эссенция.

Такое понимание сущности как сути вещи, ее «эссенции», то есть, иными словами, ее сущностных свойств, сближает эту категорию с категорией качества. Это находит отражение в толковании понятия «качество» из Изборника 1073 года: «качьство есть вьсущная сила», то есть сущность-эссенция вещи. В этом же смысле толкуется понятие «качество» через понятие «естество» в русских азбуковниках: «качьство, естество какво чому любо». Однако термином «качество» обозначаются не только сущностные, то есть эссенциальные свойства вещи-субстанции, но и ее случайные свойства, то есть акциденции. И это второе понимание термина «качество» также отражено в определении Изборника 1073 года: качество как «съставная розличья». Такого же рода случайные свойства вещей-субстанций подводятся под определение качества и в азбуковниках, так как различные «каковства» человека, приводимые здесь в толкованиях этого понятия, а именно *черни* или *бел*, *стар* или *млад*, явно не могут войти в ряд его сущностных, эссенциальных свойств в том смысле, в каком таковыми являются «два естества Христова – божество и человечество». Впрочем, авторы толкований азбуковников явно не осознавали этого тонкого философского различия *качества-эссенции* и *качества-каковства-акциденции*: для них толкование «качьство, естество какво чому любо» равносильно толкованию «качьство, еже есть каковство».

Надо сказать, что и слово *естество* в древнерусском языке употреблялось в философском смысле «расплывчато», неоднозначно, покрывая своим значением, с одной стороны, и индивидуальные сущности – вещи (живые существа, вещества и пр.), а с дру-

гой стороны, их природные, то есть эссенциальные свойства, а также различные акцидентальные, то есть несущественные признаки. Таким образом, «чтойность» в слове *естество* совмести-лась с «какойностью», и в этом своем значении *естество* выступает как синоним широко понимаемого *качества*.

Совмещение обозначения эссенциальных, сущностных и акцидентальных, случайных свойств вещей-субстанций у слова *качество* сохранялось и в русском языке последующих периодов его развития. В.И. Даль, например, толкует это слово следующим образом: *качество* – «свойство или принадлежность, все что составляет сущность лица или вещи. *Количество* означает счет, вес и меру, на вопрос *сколько*; *качество*, на вопрос *какой*, поясняет доброту, цвет и другие свойства предмета».⁸⁶

В современной специальной литературе нашли отражение оба рассмагивавшихся выше понимания категории качества: и «качество-естество», и «качество-каковство». Так, А.Г. Спиркин пишет следующее: «Качество – это определенность объекта, составляющая внутреннее основание всех его изменений. Качество есть то, благодаря чему предмет на протяжении какого-то времени является тождественным самому себе предметом, в той или иной степени отличным от других предметов и с коренным изменением чего он перестает быть таковым – становится другим предметом».⁸⁷ В другой работе находим утверждение, что предмет обладает бесконечным множеством качеств, общих с другими предметами: «Например, человек обладает качеством протяженности, тяжести, обмена веществ, наследственности и т. д. Эти качества характеризуют не только человека, но и другие тела, они, по существу, являются качествами материи вообще, вещества вообще, живого вообще и т. д.»⁸⁸

В языковедческой литературе качество чаще понимается как отвлекаемое свойство предмета, а не как его сущностная определенность. Известный российский языковед XIX века К. С. Аксаков, например, давал этому понятию следующую дефиницию: «Качество есть отвлеченная и понятая та общая сторона предмета, которая в нем находит осуществление, но которая не принадлежит ему непременно и, как общее, может принадлежать всякому явлению».⁸⁹ Ясно, что так понимаемое качество – это именно «качество-каковство» древнерусских азбуковников или «качество-свойство» В.И. Даля.

Для современного русского языка употребление слова *качество* в значении 'совокупность эссенциальных, сущностных

свойств, придающих определенность предмету⁷ является принадлежностью терминологических систем специальных областей знания, в первую очередь философии. В обычном же, нетерминологическом употреблении слово это толкуется следующим образом: «то или иное свойство, признак, определяющий достоинство чего-н.».⁹⁰ Качество может быть высоким, средним, низким.

Однако ряд сочетаний со словом *качество* позволяет сделать вывод, что часто им обозначают именно положительно оцениваемые свойства чего-либо. Таково значение этого слова в словосочетании *знак качества*, который, как многие ещё, конечно, помнят, должен был присваиваться изделиям особо добротным, то есть отличающимся высоким качеством. То же отразилось и в лозунге не столь уж давних времен: «Боритесь за качество продукции!» Ясно, что трудящихся призывали бороться за высокое качество того, что они производили.

Недавно в одном из магазинов я прочитал любопытное изречение, цель которого ясна – побудить покупателей не скупиться. Звучит оно так: «Горечь утраты качества остается надолго после того, как пропадает сладость дешевизны». Нет необходимости объяснять, что горечь утраты можно испытывать только потеряв что-то хорошее, то есть *высокое качество* не купленного из-за излишней экономности товара.

Интересно отметить, что именно такое значение слова *качество* фиксируется среди других историческими словарями: «положительное качество, свойство чего-л. *Ея же [церкви святой Софии] качество и величество...*».⁹¹

Следует также добавить, что для прилагательного *качественный* словари фиксируют значение ‘очень хороший, высокий по качеству’.⁹²

Похоже, что слово *качество*, называя всю шкалу этого признака (*высокое-среднее-низкое качество*) в то же время, так сказать, «склонно» к обозначению положительного, так называемого «большого» полюса этой шкалы, то есть словом *качество* часто именуют *высокое качество*. Именно в таком значении использовал это слово известный русский философ И.А. Ильин, который в 1928 году писал: «Верим и знаем: придет час, и Россия восстанет из распада и унижения и начнет эпоху нового расцвета и нового величия. Но возродится она и расцветет лишь после того, как русские люди поймут, что спасение надо искать в качестве!.. Всмотритесь же в пути и судьбы России, вздумайте в ее круше-

ние и унижение! И вы увидите, что русскому народу есть только один исход и одно спасение – возвращение к качеству и его культуре... И готовить восстановление России – значит прежде всего готовить свой характер, свой разум, свое чувство, свою волевою идею. Имя этой волевой идеи – русское качество...».⁹³ Очевидно, что для И.А. Ильина слово *качество* и тем более *русское качество* обозначают не шкалу признака, а именно ее максимальный полюс.

Так же могут вести себя некоторые другие общие названия признаков, например *количество*, *температура*. Высказывание *Важно не количество, а качество* имеет значение ‘Важно не то, что чего-то много, а то, что это что-то высокого качества’. Если мы говорим *У него температура*, это значит ‘У него высокая температура’.

Любопытно, что в народной речи XIX в. слово *качество* всю шкалу признака вообще не обозначало. Оно имело значение либо ‘порок’, либо ‘достоинство’. Так, В. И. Даль пишет: «Народ понимает *качество человека* в дурном значении. *За ним, кажись, никаких качеств нет*»⁹⁴. То же значение ‘порок’ имеет это слово в названии пьесы Л. Н. Толстого «От ней все качества». Значение ‘достоинство’ имеет слово *качество* в следующем примере «И староста это, Мирон Антоныч, мужик толковый, в полном качестве...»⁹⁵

В языке арестантов, как отмечает В.В. Виноградов, ссылаясь на «Словарь русского языка, составленный 2-м отделением императорской Академии наук», значение слова *качество* ещё более конкретизируется, сужается и начинает обозначать ‘преступление’, ‘мошеничество’.⁹⁶ Это значение иллюстрирует следующий пример: «Работать он не умеет и не хочет, и... пойдет с поселения бродяжить, дорогою будет пойман с каким-нибудь *качеством* и опять попадет в каторгу (*Качество* – на арестантском языке преступление)».⁹⁷

Новый и неожиданный (впрочем, можно сказать ожидаемо-неожиданный) виток языковой жизни слова *качество* связан с его употреблением в языке рекламы. С одной стороны, можно встретить его во вполне предсказуемых исходах из словарных определенных контекстах, например: *Аппетитные цены! Мебель отличного качества* (реклама мебельного магазина); *«Столичная».* *Гарантия качества* (реклама водки); *Высококачественные лакокрасочные материалы* (реклама в магазине) и т.д.

С другой стороны, в ряде рекламных текстов *качество* приобретает характеристики некой субстанции, которой в товаре может

быть много или мало, больше или меньше, а в рекламируемом товаре, конечно, этой субстанции предельно много, например: *100% качества. Соки и нектары Gold Premium* (реклама соков и нектаров); или совсем лапидарно: *100% качества* (реклама в ресторане сети «Макдональдс»); или так: *Максимум качества. Минимум цен* (реклама Media Markt).

Более того, *качество* само наделяется свойствами товара, который и приобретает покупатель, например: *Наши сыр – качество с приятным вкусом* (реклама сыра); *Качество от фермы до прилавка* (реклама Черкизовского мясокомбината); *Профессиональное качество по приемлемой цене. Если платить – то за качество* (радиореклама); *Растворимый кофе № 1. Качество по карману каждому* (реклама растворимого кофе).

При этом качество обретает национальность: *Швейцарское качество для гурманов* (Реклама швейцарской посуды); *Немецкое качество. Holsten. Классическое немецкое пиво* (Телереклама). Подобные примеры можно множить и множить, в том числе и применительно к отечественным товарам, правда, пока только в виде прогнозов на будущее: *«Московское качество» – гарантируем лучшее* (название программы Правительства Москвы и Московской торгово-промышленной палаты).

Качество не только обретает национальность, но и может владеть определенным языком, то есть выступает в виде некоего антропоморфного существа, например: *Качество говорит по-французски* (реклама французской посуды).

Качество может быть истинным или ложным: *Ощути истинное качество* (телереклама телевизоров LG). О нем могут слагать легенды: *Блюда легендарного качества* (наружная реклама доставки суши и пиццы).

Качество может стать объектом здравицы, в его честь произносятся тосты: *За качество! За Клинское!* (реклама пива). Качество в данном случае -это нечто вроде здоровья, благополучия или еще чего-то важного, нужного, возжеленного. Иногда определить, какое значение вкладывается в слово *качество*, еще сложнее, практически невозможно, как в следующей рекламе: *Качество и легкость бытия.*

Очевидно, что в данном случае мы имеем такого же рода явление, о котором пишет в одной из своих книг В.Г. Костомаров в связи с анализом употребления в рекламных текстах слова *вкус*: «Дотошный немец-стажер, собравший эти примеры, заглянул в

словарь и сообщил: “Совсем не понимаю. На немецкий не переводится”. В самом деле, словарь бессилён истолковать смутные, колеблющиеся контекстуальные смыслы слова *вкус*, которые с уверенностью не выводятся не из предметного значения “одно из пяти основных чувств, ощущение”, не из переносного – “склонность к изящному”». ⁹⁸

Трудно не согласиться и с выводом Виталия Григорьевича: «...в массмедийных, особенно в телевизионных и рекламных, текстах угрожающе распространяются малообоснованные, изолированно-контекстные смыслы слов в ущерб их словарным значениям. Слово отрывается от своих корней и выпадает из своей ячейки в традиционной, веками формировавшейся этнической системе семантики, что опасно деформирует национальную ментальность, образность, вообще восприятие мира». ⁹⁹

Однако зададимся вопросом, есть ли какая-то коммуникативная цель, сверхзадача у таких вот характерных для рекламы манипуляций со словарными значениями слов, для чего служит их «выдергивание» из «ячейки в традиционной системе семантики», их заполнение «смутными, колеблющимися контекстуальными смыслами»?

Чтобы ответить на этот вопрос, надо вспомнить одну из многочисленных функций рекламы, которую иногда определяют следующим образом: «реклама – соавтор социального мифотворчества» ¹⁰⁰, а создаваемый рекламой виртуальный мир – это «особый мир психологической реальности, где актуализируются механизмы мифологического сознания» ¹⁰¹. Отметим, что не все исследователи согласны с наличием в рекламе мифологических мотивов ¹⁰², и все же более убедительными представляются слова Ролана Барта, писавшего, что «фотография, кинематограф, репортаж, спортивные состязания, зрелища, реклама могут быть материальными носителями мифического сообщения» ¹⁰³, а миф он определяет «как *похищенное и возвращенное* слово. Только возвращаемое слово оказывается не тем, которое было похищено; при возвращении его не помещают точно на прежнее место» ¹⁰⁴. Если согласиться с этими положениями Р. Барта, тогда становятся понятными и операция «отрывания» слова в рекламе от его корней в традиционной системе семантики, и насыщение его смутными, колеблющимися смыслами: десемантизированное слово становится формой, означающим для нового означаемого, и этим новым означаемым становится *мифический концепт*, который

«представляет собой нечто вроде туманности, более или менее расплывчатого сгустка представлений»¹⁰⁵.

Итак, слово *качество* в рекламе освобождается от его словарных значений и становится означающим для туманного, расплывчатого мифического концепта, предстающего то в виде некоей мистической субстанции, содержащейся в товаре, то в виде идеального товара, единственно достойного быть приобретенным, то в виде трудноопределимой, но вожделенной ценности. Иногда это что-то совсем невыразимое, хоть видимое, слышимое и даже произносимое, как на одном рекламном щите, изображающем красивое женское лицо и огромные слова (без знаков препинания): **КАЧЕСТВО ВИЖУ СЛЫШУ ГОВОРЮ**. А иногда речь в рекламе явно идет о всевластном мифическом существе: **LG. ВО ВЛАСТИ КАЧЕСТВА**.

Надо сказать, что мифологизация концепта *качество* происходит не только в рекламе. Приведу в качестве яркого примера отрывок научного текста: *Обеспечение оптимального уровня качества стало одной из важнейших глобальных проблем. Качество играет ключевую роль в экономической и социальной стратегии ведущих стран мира. Постоянное повышение качества используется как средство преодоления кризисных ситуаций. Высокое качество является общечеловеческой ценностью, а повышение качества жизни становится целью экономической политики государства* (В. Окреплов. Высокое качество как выражение прогресса культуры). Приходится, кстати, признать, что качество как общечеловеческая ценность вообще-то не так и далеко от качества как волевой идеи в цитировавшемся выше высказывании И.А. Ильина.

Итак, слово *качество*, войдя в XI в. в русский язык из церковнославянского как обозначение одной из аристотелевских философских категорий, прожило в нем долгую и интересную жизнь, опускаясь, так сказать, с философских вершин до тюремного дна, заняв в конце концов вполне нейтральное место как в языке науки, так и в разговорном языке, а затем, в языке рекламы, опять поднявшись в заоблачную высь и став обозначением не то магической субстанции, не то идеального товара, не то общечеловеческой ценности, а то и всевластного мифического существа.

Вместо заключения

Подводя итог, можно сказать, что предаваться пессимизму по поводу современного состояния русского языка особых оснований нет. Существующий не одно тысячелетие, он и дальше будет жить и развиваться в соответствии со своими внутренними законами, неподвластными злобе дня и быстропреходящим модным веяниям. Русский язык остается и будет оставаться надежным каналом, связывающим живущие сегодня поколения россиян с богатейшим культурным наследием их предков, обеспечивает и будет обеспечивать преемственность и непрерывность российской культурной традиции.

И все же нельзя сказать, что беспокойство, выражаемое многими в связи с современным состоянием речи на русском языке, совершенно необоснованно. Конечно, нет нужды заботиться о том, чтобы всеми силами сохранить грамматический строй русского языка: это и бесполезно, да и не в нашей власти. Имманентные законы развития языка подобны законам природы: они не зависят от воли человека. Но есть в языке и другие сферы, вполне человеком контролируемые и регулируемые. Именно такова сфера культуры речи, осознанного выбора в той или иной ситуации того или иного слова, той или иной стилистической фигуры, того или иного стиля общения. И вот в этой сфере языковой жизни необходимо осознанное и заинтересованное участие всего российского общества.

Хотелось бы также поставить перед коллегами-языковедами несколько вопросов, которые возникли у автора в ходе работы над этим аналитическим докладом.

Во-первых, если справедливо определение «новояза» и стѣба как особых дискурсов, то какие еще дискурсы могут быть выде-

лены в русском языке (например, можно выделить единый дискурс рекламы), какие социальные группы они представляют и в какие отношения вступают.

Во-вторых, если русский язык представляет собой агрегат различных дискурсов, иногда находящихся в состоянии войны между собой, то можно ли говорить о единой русской языковой картине мира или же она представляет собой такой же агрегат картин мира всех дискурсов.

В-третьих, повторю вопрос Ю.С. Степанова, сформулированный им в одной из работ: «не является ли дискурс *в с е г д а*, в том числе и в наши дни, выражением *к а к о й - т о* мифологии (разрядка автора)?»¹⁰⁶ А если это так, то каковы мифологии дискурсов, представленных в русском языке.

В-четвертых, не является ли предположение о движении русского языка к аналитизму одним из мифов лингвистического дискурса, основанном на позитивистском (а потом и марксистском) представлении о прогрессе в грамматическом строе языка и – шире – на телеологической концепции эволюции языка¹⁰⁷.

Выскажу надежду, что в скором будущем появятся работы, дающие ответы на эти вопросы (если, конечно, они покажутся заслуживающими внимания научному сообществу).

Примечания

- ¹ Об этом см., например: В.Г. Костомаров. Наш язык в действии: Очерки современной русской стилистики. М., 2005. С. 52–54.
- ² См.: И.А. Бодуэн де Куртенэ. Глоттологические (лингвистические) заметки. Вып. 1. Воронеж, 1877; В.А. Богородицкий. Очерки по языковедению и русскому языку. Изд. 3-е. Казань, 1910.
- ³ Н.В. Крушевский. Очерки науки о языке. Казань, 1883. С. 112–114.
- ⁴ В.В. Виноградов. Русский язык. Изд. 2-е, М., 1972. С. 202.
- ⁵ Русский язык и советское общество. Т.3. М., 1968. С. 11.
- ⁶ Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М., 1996. С. 327.
- ⁷ В.В. Виноградов. Русский язык. Изд. 2-е. М., 1972. С. 202.
- ⁸ Русская грамматика. Т. I. М., 1980. С. 562.
- ⁹ Ю.Д. Апресян. Избранные труды. Т. I. М., 1995. С. 105.
- ¹⁰ Ю.Д. Апресян. Избранные труды. Т. II. М., 1995. С. 601.
- ¹¹ См.: В.М. Горбаневский, Ю.Н. Караулов, В.М. Шаклеин. Не говори шершавым языком. М., 1999. С. 167.
- ¹² М.В. Горбаневский, Ю.Н. Караулов, В.М. Шаклеин. Не говори шершавым языком. М., 1999. С. 46, 122.
- ¹³ Цитируется по: Указ. соч. С.194.
- ¹⁴ Т. М. Николаева. Качественные прилагательные и отражение «картины мира»// Славянское и балканское языкознание. Проблемы лексикологии. Л., 1983. С. 238–239.
- ¹⁵ См.: Ю.Д. Апресян. Избранные труды. М., 1995. Т. I. С. 65–67.
- ¹⁶ Об этом см., например: Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 31.
- ¹⁷ Подробнее об этом см.: Ю.Л. Воротников. Грамматический статус аналитических форм компаратива в русском языке// Словарь и культура русской речи. М., 2001. С. 89–92.
- ¹⁸ В.В. Виноградов. Русский язык. Изд. 2-е. М., 1972. С. 200, 204.
- ¹⁹ Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М., 1996. С. 241.
- ²⁰ См., например: Новые слова отражают события 1991 года: Словарь-справочник. Париж, 1992; Толковый словарь языка Совдепии. СПб., 1998; Толковый словарь русского языка конца XX в.: Языковые изменения. СПб., 1998; Слова, с которыми мы все встречались: Толковый словарь русского общего жаргона. М., 1999.
- ²¹ См.: Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М., 1996. С. 92.
- ²² Об этом см., например: Р.А. Будагов. Язык и культура. Хрестоматия. В 3-х ч. Ч. 3: Социоллингвистика и стилистика. М, 2002. С. 63–64.
- ²³ Цитируется по: Указ. соч. С. 64.
- ²⁴ Н.Д. Арутюнова. Метафора и дискурс // Теория метафоры. М., 1990. С. 26.
- ²⁵ Цитируется по: В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. Толковый словарь языка Совдепии. м., 1998. С. 564.
- ²⁶ Универбацией принято называть способ образования слов на основе словосочетания, при котором в производное слово входит основа лишь одного из членов словосочетания, так что по форме производное соотносится с одним словом, а по

смыслу – с целым словосочетанием. Об этом см., например: Е.А. Земская. Русская разговорная речь: Лингвистический анализ и проблемы обучения. М., 1979. С. 109.

²⁷ Об этом см., например: М. Бирдсли. Метафорические сплетения // Теория метафоры. М., 1990. С. 207.

²⁸ См., например: И. Юганов. Ф. Юганова. Словарь русского сленга (сленговые слова и выражения 60–90 годов). М., 1997. С. 206; О.П. Ермакова, Е.А. Земская, Р.И. Розина. Слова, с которыми мы все встречались: Толковый словарь русского общего жаргона. М., 1999. С. 196.

²⁹ О.П. Ермакова, Е.А. Земская, Р.И. Розина. Слова, с которыми мы все встречались: Толковый словарь русского общего жаргона. М., 1999. С. 197.

³⁰ А.Н. Баранов, Ю.Н. Караулов. Русская политическая метафора (материалы к словарю). М., 1991. С. 13.

³¹ А.Н. Баранов. Очерк когнитивной теории метафоры // А.Н. Баранов, Ю.Н. Караулов. Русская политическая метафора (материалы к словарю). М., 1991. С. 192.

³² В этой книге, представляющей собой первый в отечественной лексикографии опыт словаря русской политической метафоры, есть и словарная статья «СССР», включающая среди прочих и такие, например, метафорические модели: забор, котел, помойка, сарай и даже ведро и веник. Однако «совок» как метафора страны СССР или ее гражданина здесь отсутствует (А.Н. Баранов, Ю.Н. Караулов. Русская политическая метафора (материалы к словарю). М., 1991. С. 127–147).

³³ Указ. Соч. С. 16.

³⁴ Ю.Л. Воротников. Совок – как зеркало? // Русистика. 1992, № 2. Насколько мне известно, эта статья, опубликованная в берлинском журнале, стала первой работой достаточно уже обширной «совкинианы» в России и за рубежом.

³⁵ Об этом см., например: Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 296.

³⁶ Н.Д. Арутюнова. Метафора и дискурс // Теория метафоры. М., 1990. С. 9.

³⁷ Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. Ответственный редактор Н.Ю. Шведова. М., 2008. С. 911.

³⁸ В.В. Лопатин, Л.Е. Лопатина. Иллюстрированный толковый словарь современного русского языка. М., 2009. С. 739.

³⁹ В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. Толковый словарь языка Совдепии. СПб., 1998. С. 563.

⁴⁰ Толковый словарь русского языка конца XX века: Языковые изменения. СПб., 1998. С. 596.

⁴¹ О.П. Ермакова, Е. А. Земская, Р.И. Розина. Слова, с которыми мы все встречались: Толковый словарь русского общего жаргона. М., 1999. С. 197, 199.

⁴² Ф.И. Рожанский. Сленг хиппи. Материалы к словарю. СПб-Париж. 1992. С. 45; Никитина Т.Г. Молодежный сленг. Толковый словарь. М., 2009. С. 778.

⁴³ Т.Г. Никитина. Молодежный сленг. Толковый словарь. М., 2009. С. 778.

⁴⁴ Т.Г. Никитина, Е.И. Рогалева. Региональный словарь сленга. Псков и Псковская область. М., 2006. С. 255.

⁴⁵ Т.Г. Никитина, Молодежный сленг. Толковый словарь. М., 2009. С. 779.

⁴⁶ Там же.

- ⁴⁷ Т.Г. Никитина, Е.И. Рогалева. Региональный словарь сленга. Псков и Псковская область. М., 2006. С. 255.
- ⁴⁸ В.М. Мокиенко, Х. Вальтер. Прикольный словарь (антипословицы и антиафоризмы). М., 2008. С. 270. Авторы дают такое определение антипословицам и антиафоризмам: «свежий жанр современного фольклора, остроумные переделки пословиц и крылатых выражений» (Указ. соч. С. 4).
- ⁴⁹ Указ. соч. с. 779.
- ⁵⁰ Д.С. Балдаев. Словарь блатного воровского жаргона. В 2-х т. М., 1997. Т. 2. С. 50. (Любопытно, что совок зафиксирован и в жаргоне этой, «отверженной» страты российского общества).
- ⁵¹ Г.Я. Солганик. Толковый словарь языка газеты, радио, телевидения. М., 2007. С. 617.
- ⁵² Толковый словарь русского языка конца XX века: Языковые изменения. СПб., 1998. С. 597.
- ⁵³ Ю.Л. Воротников. Слова и время. М., 2003. С. 149.
- ⁵⁴ Василий Аксенов. Редкие земли. М, 2007.
- ⁵⁵ Захар Прилепин. Terra tartarara: Это касается лично меня. М., 2009. С. 15–23.
- ⁵⁶ Цитируется по: Русский язык кониа XX столетия (1985–1995). М., 1996. С. 23.
- ⁵⁷ См.: О.П. Ермакова, Е.А. Земская, Р.И. Розина. Слова, с которыми мы все встречались: Толковый словарь русского общего жаргона. М., 1999. С. 203.
- ⁵⁸ См.: Русский язык конца XX столетия (1984–1995). М., 1996. С. 22–23.
- ⁵⁹ См.: Указ. соч. С. 23.
- ⁶⁰ P. Sériot. Analyse du discours politique sovietique. (Cultures et Sociétés de l'Est. 2) P: Institut d'études slaves. 1985.
- ⁶¹ Язык и наука конца XX века. М., 1995. С. 39–40.
- ⁶² Указ. соч. С. 40.
- ⁶³ Там же.
- ⁶⁴ Язык и наука конца XX века. М., 1995. С. 44–45.
- ⁶⁵ М. Хайдеггер. Время и бытие: Статьи и выступления. М., 1993. С. 272.
- ⁶⁶ Язык и наука конца XX века. М., 1995. С. 45.
- ⁶⁷ См.: Ролан Барт. Война языков // Избранные работы: Семиотика; Поэтика. М., 1989. С. 535–540.
- ⁶⁸ См.: Ролан Барт. Разделение языков//Указ. соч. С. 519–534.
- ⁶⁹ Указ. соч. С. 529.
- ⁷⁰ Там же.
- ⁷¹ П. Серио. О языке власти: критический анализ//Философия языка: в границах и вне границ. Харьков, 1993. С. 97.
- ⁷² Указ. соч. С.88. ,
- ⁷³ А. Фесенко, Г. Фесенко. Русский язык при Советах. Нью-Йорк, 1955. С. 206.
- ⁷⁴ П. Серио. Указ. соч. С. 88.
- ⁷⁵ П. Серио. Указ. соч. С. 94.
- ⁷⁶ А. Фесенко, Г. Фесенко. Русский язык при Советах. Нью-Йорк, 1955. С. 30.
- ⁷⁷ Цитируется по: О.П. Ермакова, Е.А. Земская, Р.И. Розина. Слова, с которыми мы все встречались: Толковый словарь русского общего жаргона. М., 1999. С. 203.
- ⁷⁸ В.В. Виноградов. Русский язык. Изд. 2-е. М., 1972. С. 152

Русский язык сегодня. Несколько штрихов к портрету

- ⁷⁹ Словарь русского языка XI–XVII вв. Т. 7. М., 1980. С. 97.
- ⁸⁰ И.П. Сахаров. Сказания русского народа. СПб., 1894. С. 164.
- ⁸¹ Цитируется по: Ю.С. Степанов. Язык и метод. К современной философии языка. М., 1998. С. 199.
- ⁸² Ю.С. Степанов. Язык и метод. К современной философии языка. М., 1998. С. 200–201.
- ⁸³ Л.И. Юрченко. Изборник 1073 года: интерпретация основных древнерусских философских терминов // Вопросы языкознания. 1988. № 2. С. 79.
- ⁸⁴ Указ. соч. С. 82.
- ⁸⁵ Изборник 1073 г. Перевод А.И. Юрченко. Цитируется по: А.И. Юрченко. Указ. соч. С. 88–89.
- ⁸⁶ В.И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2. СПб.–М., 1881. С. 99–100.
- ⁸⁷ А.Г. Спиркин. Происхождение сознания. М., 1960. С. 340.
- ⁸⁸ Диалектический материализм. М., 1974. С. 237.
- ⁸⁹ К.С. Аксаков. Опыт русской грамматики // Поли. собр. соч. Т. 3. Ч. 2. М., 1880. С. 112.
- ⁹⁰ С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. Толковый словарь русского языка, М., 1992. С. 276.
- ⁹¹ Словарь русского языка XI–XУП вв. Т. 7. М., 1980. С. 97.
- ⁹² См., например: С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. Толковый словарь русского языка. М., 1992. С. 276.
- ⁹³ Цитируется по: Мир гуманитарной культуры академика Д.С. Лихачева. II Международные лихачевские научные чтения 23–24 мая 2002 года. СПб., 2003. С. 17.
- ⁹⁴ В.И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2. СПб.–М., 1881. С. 100.
- ⁹⁵ Н.И. Наумов. В забытом краю. Рассказы из быта сибирских крестьян. СПб., 1882. С. 40.
- ⁹⁶ В.В. Виноградов. История слов. М., 1994. С. 768.
- ⁹⁷ Л. Мельшин (П.Ф. Якубович). В мире отверженных. Записки бывшего каторжника. Изд. 2-е. СПб., 1899–1902. Т. 1. С. 170.
- ⁹⁸ В.Г. Костомаров. Наш язык в действии: Очерки современной русской стилистики. М., 2005. С. 209.
- ⁹⁹ Указ. соч.. С. 205.
- ¹⁰⁰ См., например: В.В. Ученова. Реклама и массовая культура. М., 2008. С. 154.
- ¹⁰¹ И.Г. Пендикова, Л.С. Ракитина. Архетип и символ в рекламе. М., 2008. С. 68.
- ¹⁰² См., например: Реклама: язык, речь, общение. М., 2008. С. 41.
- ¹⁰³ Р. Барт. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1989. С. 73.
- ¹⁰⁴ Указ. соч. С. 91.
- ¹⁰⁵ Указ. соч. С. 87.
- ¹⁰⁶ Ю.С. Степанов. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности//Язык и наука конца XX века. М., 1995. С. 41.
- ¹⁰⁷ О телеологической концепции эволюции языков см.: П. Серно. Лингвистика и биология. У истоков структурализма: биологическая дискуссия в россии // язык и наука конца XX века. М., 1995. С. 321–341.

Содержание

Вступительные замечания.....	3
1. Грамматика: «более лучше, более веселее».....	4
2. Лексика: «совок» возвращается?.....	11
3. Дискурс: новояз, стёб, «война языков».....	25
4. Реклама: от качества-термина к качеству-мифу.....	32
Вместо заключения.....	43
Примечания	45

Отделение историко-филологических наук

Ю.Л. Воротников

**Русский язык сегодня.
Несколько штрихов к портрету**

Формат 60 x 84/16
Гарнитура Таймс
Усл. печ. л. 2,9. Усл. изд. л. 2,4
Тираж 20 экз.

Издатель – Российская академия наук

Подготовлено к печати
Управлением научно-издательской деятельности РАН

Отпечатано на оборудовании Управления делами РАН

Издано в авторской редакции

Издается в соответствии с распоряжением
президиума Российской академии наук
от 24 октября 2017 г. №10106-765,
распространяется бесплатно.